

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СВЕТЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-33-01003: «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

Предпринят анализ современной зарубежной литературы, посвященной политике памяти. Проанализированы направления ее разработки: переосмысление и преодоление прошлого, связанного со Второй мировой войной, осознание этноцентризма, политика памяти в условиях глобализации, перспективы общеевропейской идентичности. Выделены некоторые общие черты, присущие современным дискурсам изучения политики памяти: доминирование case-studies конкретных политик памяти, преобладание конструктивистского подхода, растущая диверсификация политик памяти.

Ключевые слова: политика памяти; этноцентризм; инструментализация прошлого; коммеморативные практики.

В современной зарубежной и отечественной исследовательской литературе налицо явный сдвиг интереса от анализа исторического познания и знания к изучению массового исторического сознания и исторической памяти. Представляется, что ключевое значение имеют два аспекта этой темы: а) источники формирования и специфика содержания памяти; б) характер ее влияния на мировосприятие и поведение тех или иных сообществ. Столь пристальное внимание к этим аспектам обусловлено не только осознанием разрыва профессионально изучаемой истории и вненаучных исторических представлений и той роли, которую последние играют в социальных, культурных и политических практиках. Налицо существенная трансформация как самих источников формирования исторической памяти, так и характера ее воздействия на современную общественную жизнь. Они обусловлены, прежде всего, противоречивым течением глобализационных процессов, а в частности – интенсивным формированием поликультурных (полиэтнических) сред. Складывающееся положение дел остро ставит вопрос о роли направленного воздействия или политик памяти на формирование и функционирование представлений о прошлом, а значит, актуализирует необходимость разработки соответствующего теоретико-методологического инструментария. Иначе говоря, речь идет о поиске способов влияния (или формирования) на память о прошлом и определении целей (ценностей), ради которых это делается или должно делаться.

Хотя разработка такого инструментария затруднена огромным количеством направлений и подходов, а исследовательское поле приобрело подлинно интернациональный характер, роль представителей западного научного сообщества остается ключевой. Это обстоятельство обусловлено не только общезначимым характером поднятых тем и проблем, но и эвристическим потенциалом предлагаемых подходов и решений. Поэтому вполне резонно обратиться к осмыслению именно этого опыта.

Причем интерпретация смысла такого обращения как извлечения опыта не случайна. Очевидно, что речь должна идти не о слепом копировании существующих рецептов, но и не о столь же механической их сортировке по принципу «эта деталь подходит», а

«эта не подходит». Ведь любая концепция всегда является конфигурацией какого-либо набора компонентов, которая обусловлена осознанием характера решаемой задачи. Отсюда границы ее эффективности. Поэтому извлечение опыта предполагает, прежде всего, опознание степени сходства обсуждаемых задач и уже в этом контексте определение способа конфигурации или реконфигурации заимствуемых элементов для их решения.

В свете данных методологических соображений стоит начать с констатации некоторых результатов изучения памяти. Сегодня практически общепринятым является утверждение о ней как о социальном конструкте. Уже неоднократно было отмечено, что люди, убежденные в запоминании мельчайших подробностей какого-либо значимого события, зачастую не способны точно его воспроизвести [1]. Иначе говоря, прошлое оказывается не воспоминанием, а скорее конструктом, созданным, когда значимость того или иного события становится очевидной [2. С. 65–91]. Более того, последующие трактовки приводят к соответствующей корректировке воспоминания о нем [3. С. 375–402]. Тем самым «...память не размещена в определенном месте или полностью содержится в ком-то; вместо этого она реализует себя через ее применение» [4. С. 196]. Поэтому для ее характеристики становится более уместным использование метафоры «действенной фикции» [Там же] или обусловленности ее устройства характером употребления.

Однако данная метафора играет еще одну роль. «Традиционные модели памяти базировались на идеях хранения, места и восстановления. Современные подходы... предпочитают процесс-ориентированные модели» [Там же. С. 191]. Как подчеркивает Джеффри Олик, «мы должны помнить, что память есть процесс, а не вещь, более способность, чем место» [5. С. 159]. Если сама актуализация и конфигурация образов прошлого обусловлена их функциями в культуре, то резонно полагать, что они могут и должны меняться в зависимости от динамики поставленных или возникающих задач. Фиксация таких изменений и их причин еще более заставляет трактовать память как «более флюидное понятие» [6. С. 128] и актуализировать аспекты, связанные с ее периодической трансформацией и реконфигурацией.

Резонно полагать, что интерес к политике (или политике) памяти становится логичным следствием такого подхода. «Социальные процессы запоминания тесно связаны с идентичностью социальных групп, которая нуждается в постоянном воссоздании и согласии, поэтому они могут быть интерпретированы как политические инструменты власти» [7. С. 405]. Тем самым, если память, как подчеркивают авторы, «неотделима от времени, места и людей, которые наполняют события конкретным смыслом» [8. С. 1], то внимание концентрируется не столько на самих образах прошлого и их социальной роли, сколько на способах и возможностях управления ими. Такой подход вполне правомерно характеризуют как «инструментализацию» или использование для тех или иных целей. Но если полагать, что прошлое в целом приобретает для нас значение лишь в свете тех или иных потребностей, то более стоит настаивать на различии легитимных и нелегитимных форм инструментализации [Там же. С. 26], а не на отрицании самого подхода как такового.

Внимание к способам и механизмам конструирования прошлого потребовало разработки соответствующего словаря. Сегодня он достаточно разнообразен. Авторы говорят об «исторической политике», «политическом присвоении прошлого», «мемориальной политике», «политике истории». Так, Александр Дюков предлагает понимать под исторической политикой поиск оснований для предъявления политических или экономических претензий, где значимыми инструментами оказываются вымышленные факты, «замалчивание» фактов, сознательная подтасовка толкований исторических событий [9]. Термин «политика истории» часто применяется для обозначения той роли, которую могут играть исторические исследования в политической сфере для «легитимации политических проектов» или «для согласования и прояснения нормативных ориентаций» [10. С. 176].

Похоже, что наиболее удачным следует считать употребление понятия «политика памяти» как наиболее полно охватывающего совокупность способов использования всех форм понимания прошлого. Его можно определить как «целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» [11. С. 36]. Тем самым политика памяти «описывает процесс, который включает в себя большое количество акторов, в том числе частных лиц и государственных чиновников. Они имеют доступ к широкому диапазону ресурсов, способны мобилизовать их для достижения целей. Они действуют в политической и культурной обстановке, в которой есть и другие влияния, многие из которых непредсказуемы или непредвиденные... Такой сложный и открытый процесс может иметь и краткосрочные, и долгосрочные результаты, которые зачастую расходятся с ожиданиями ключевых акторов» [12. С. 37].

Несмотря на то что проблема памяти выходит на первый план и общественной жизни в 80-е гг. XX в.,

когда в 1980 г. Франция, Англия, Бразилия независимо друг от друга объявляют его годом наследия, истоки политики памяти связаны с вопросами формирования послевоенного исторического сознания в ФРГ. Одним из таких ключевых направлений стала «проработка прошлого» ((Aufarbeitung der Vergangenheit) или «преодоление прошлого» (Bewältigung der Vergangenheit)), которое в ФРГ выступило тем дискурсом, в рамках которого западная общественность всерьез подошла к осмыслению политики памяти. Она нашла свое выражение как минимум в двух формах, обозначенных как «политика для прошлого» и «политика истории». «Политика для прошлого» трактовалась скорее как совокупность практических мероприятий, обозначенных как «переходная (транзитивная) справедливость», построенных на принципах «амнистии, интеграции и демаркации» и направленных на политическое, юридическое и идеологическое преодоление нацистского наследия [10. С. 175–176]. С момента своего осуществления она предполагала также использование символических средств, связанных с гласностью и публичностью, а именно информированность о прошлом, публичное раскаяние и признание вины. К настоящему времени сама политика вышла за национальные рамки, а понятие используется для обозначения комплекса мероприятий, осуществляемых государствами с целью преодоления тоталитарного или авторитарного наследия.

«Политика истории» более связывается с интерпретацией прошлого для решения насущных практических задач и со сменой поколений приобретает все большее значение. Не вдаваясь в дискуссии о соотношении данного понятия с понятием «политика памяти» (Eric Meyer полагает, что первое понятие связано с использованием истории для собственно политических целей и культурной гегемонии [Там же. С. 179]), обратим внимание на их содержание. В ФРГ проблематика политики памяти была актуализирована с 1980-х гг. и была связана, в первую очередь, с темой Холокоста [13]. Специфика ее заключалась в том, что столь явно проступавшее (можно сказать одностороннее или асимметричное) отношение преступник – жертва, к которому оказалась причастной нация в целом, не укладывалось в сложившиеся формы политики для прошлого, предполагавшие достижение примирения и согласия внутри общества (нации).

Эта тема не только поставила вопрос о целенаправленных действиях государства и общества в области открытого обсуждения значимых исторических событий, в первую очередь Холокоста, но и определила характер и цели проводимой политики памяти. В целом она ориентировалась на увековечивание памяти о происшедшем и придание ей нормативного характера. Как справедливо отметил Джей Винтер, девиз «никогда снова» был общим смыслом мемориальных форм, посвященных Второй мировой войне [14. С. 70]. Однако это «никогда» могло получить и получало весьма различные трактовки.

Йорн Рюзен недаром охарактеризовал Холокост как предельное воплощение «катастрофического» опыта, разрушившего нарратив, повествовавший о

преимущества в последовательной реализации базисных ценностей современной цивилизации и обеспечивавший тем самым формирование и целостность идентичности [15. С. 11–12]. В Германии осмысление такого опыта вылилось в утверждение «коллективной вины» за свершенные преступления. Однако дискурс общей вины, позора, ответственности, раскаяния и искупления с течением времени также столкнулся как с проблемой интерпретации в связи с появлением поколений, родившихся после войны, так и с проблемой построения идентичности на такой основе.

Недаром один из авторов отметил, что споры о послевоенной памяти немцев лучше понять в терминах стигмы [13. С. 25]. Это означало, что память о прошлом могла двигаться в направлении, формирующем представление (и самопредставление) о немецком обществе как получившем несмыслимое клеймо, передаваемое из поколения в поколение. Стигматизация тем самым выступала не только выражением коллективных чувств, но и формировала, так сказать, потенциальный «взгляд других» [Там же]. В глазах других стигматизированное общество представляло лишенным или утратившим статус «нормальности».

Признание или отрицание стигматизирующего характера памяти могло формировать различные стратегии действия: от принятия травматического характера прошлого, полагания неразрывной связи настоящего с ним, но на этой основе сдвиг от идентификации себя с преступлением и виной к радикальному отказу от предшествующих форм идентичности (а именно от национальной идентичности как источника стигматизации) до стремления столь же радикально разорвать связь прошлого и настоящего, порвать с прошлым, чтобы воссоздать статус собственной «нормальности» для восстановления и обновления национальной идентичности [Там же. С. 239–246].

Эти подходы естественно влияют на выбор направлений политики памяти, которые можно обозначить как помнить, чтобы не забывать никогда, и помнить, чтобы преодолеть. Первый подход тяготеет к тому, чтобы в той или иной форме идентифицировать себя с виной / жертвой и воспроизводить травматический характер исторического опыта. Настоящее тогда должно представлять продолжением и продлением прошлого как источника и носителя вины и травмы. Второй подход предполагает дестигматизацию прошлого, отделение его от настоящего и интерпретацию более как некоторого опыта или урока, который надо извлечь и усвоить. Сегодня в реальной практике коммеморации они переплетаются и отчасти оторвались по целям и задачам от источников своего происхождения. Но, тем не менее, по-прежнему актуализируют вопрос, что именно следует помнить и для чего, остаются ли актуальными те задачи, ради которых создавалась та или иная политика памяти?

Как отметил вышеупомянутый Винтер, с 1970-х гг. память Второй мировой войны тесно переплетается с темой Холокоста [14. С. 70]. Со временем последняя все более приобретает общеевропейский и даже общемировой смысл. Но столь же справедливо было отмечено, что эта память никогда не формировалась в

вакууме и была связана со спецификой национальных, исторических, политических и религиозных контекстов [16. С. 357]. В частности, определение Холокоста как исключительного еврейского опыта способствовало его своеобразной «приватизации». В Польше, к примеру, эта тема могла восприниматься и трактоваться как часть общей судьбы поляков в годы войны [Там же. С. 357–358]. В США зачастую она была призвана подчеркнуть ценность американского опыта, включающего в себя память переселенцев о событиях с далеких берегов, а также значение идеалов свободы и демократии [Там же]. В конечном счете альтернативой возможной приватизации становилось стремление представить его как общее символическое воплощение страдания, насилия, преследования, уничтожения как такового.

Даже в самом Израиле, как отмечают авторы, память о массовом уничтожении менялась по форме, содержанию и интенсивности. Некоторые авторы полагают, что разнообразие акцентов может быть распределено по трем тематическим категориям: «катастрофа и героизм», «катастрофа и возрождение», «катастрофа и искупление» [8. С. 6]. В частности, отмечается, что события 60–70 гг., связанные с арабско-израильской войной, обусловили использование памяти о Холокосте как аналогии для текущих политических целей [17. С. 7–8], а именно для формирования идентичности, сплочения и единства общества перед лицом нависшей угрозы. Поэтому, с одной стороны, закономерной стала актуализация темы героизма и сопротивления, в то время как судьбы жертв игнорировались и часто уподоблялись «агнцам на заклание» [8. С. 10]. С другой стороны, как отмечает Алейда Ассман, суд над Эйхманом впервые дал возможность людям, пережившим Холокост, публично поведать о своих страданиях. Более того, со временем тема травмы «приобрела доминирующий характер». Ассман подчеркивает, что ее осмысление также может быть представлено в вышеупомянутых парадигматических формах: «помнить, чтобы никогда не забывать» и «помнить, чтобы преодолеть», хотя и с расстановкой несколько иных акцентов. Первая тяготела к актуализации и даже абсолютизации значения траура и идентификации себя с горем и скорбью, а вторая – к напоминанию с целью преодолеть и не повторить трагедию [18. С. 10].

В 1980-е гг. проблема памяти выступает на первый план общественной жизни. Разнообразные аспекты данной тематики прочно входят в лексикон политиков, журналистов, деятелей культуры. Эти же годы ознаменовались всплеском коммемораций и торжественных празднований памятных дат. Статьи на коммеморативные расходы появляются в бюджетах большинства европейских стран. Постепенно создается целая индустрия наследия – инфраструктура мемориального туризма, открываются новые музеи и мемориальные комплексы. В этой связи исследования памяти снова получают активное развитие в научном дискурсе европейских стран. Новый этап характеризуется разрушением или преодолением дисциплинарных границ, предполагая тем самым привлечение ре-

сурсов антропологии, социологии, истории, cultural studies. Как отметил один из авторов, память как предмет исследования требует «органичного сочетания элементов, извлеченных из различных отраслей знания» [6. С. 128].

«Инструментализация» памяти порождает другую проблему. Использование событий прошлого и памятных мест для политических целей помимо мифологизации и идеологизации, поднимающей вопрос о легитимных и нелегитимных формах использования прошлого, создает угрозу их тривиализации и банализации. Недаром один из исследователей заметил, что объекты такого рода начинают фигурировать как «память по вызову», «память на все случаи» [17. С. 3]. Дж. Рюзен поэтому справедливо ставит вопрос о проработках в коммеморативном дискурсе стратегий нормализации и репрезентации, сохраняющих «взрывную силу» памятного, особенно травматического события [15. С. 16].

Еще одной темой, определившей направление исследований политики памяти в западной литературе, стала тема идентичности. Как известно, термин «идентичность» получает свое распространение именно в контексте роста популярности поисков наследия. Новая актуальность проблемы национализма приводит к оживлению интереса к нему в социальных науках. Труды Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсена по данной тематике уже стали классическими. Лейтмотивом многих работ является тезис, что любая групповая идентичность (религиозная, этническая и т.д.) строится на переосмыслении прошлого. В частности, именно исторические мифы, по словам Энтони Смита, определяют, кто может являться членом сообщества, каким он должен быть, кто является его врагами [19]. Хотя он, как и другие исследователи нации и национализма, избегает употребления термина «политика памяти», но важно отметить, что большинство современных работ, исследующих различные аспекты политики памяти, в той или иной степени связаны с изучением формирования, проявления, оспаривания национальной или государственной идентичности [20].

Рюзен отмечает, что традиционный способ формирования идентичности строится на приоритете различия по отношению к интеграции. Иначе говоря, как правило, «идентичность всегда укоренена в таком проведении различий, при котором позитивная ценность своего логически ведет к негативной оценке инаковости других» [21. С. 120]. Такой путь формирования автор называет этноцентризмом, подчеркивая при этом, что обусловлен он не только официальной идеологией, но коренится в базисных условиях конституирования любой индивидуальной и коллективной идентичности, предполагающих определение собственной самости посредством соотнесения с другими и проведения соответствующих разграничительных линий [22. С. 181].

Прошлое выступает одним из приоритетных инструментов реализации данных задач. Как правило, для этноцентристского стиля мировосприятия характерно стремление сделать историю становления собственной группы более древней. «Телеологическая

непрерывность является доминантным концептом времени, что определяет идею истории в основных нарративах» [21. С. 122–123], а концепция «нации», с которой, как правило, отождествляется идентичность, подается как «сообщество судьбы» [23. С. 179]. Наконец, как правомерно указывает тот же Рюзен, «нет пути создания истории без использования критериев успеха или провала, которые всегда обладают нормативным измерением» [24. С. 134]. Иначе говоря, этноцентристская логика заставляет толковать прошлое только в свете успехов или провалов. Отсюда и обратный эффект, поскольку данный способ представления истории с неизбежностью задает соответствующие и достаточно жесткие рамки позиционирования других. Рюзен отмечает, что такое видение действует на уровне не только жизненной практики, но и академических исследований. «Никто не может быть нейтральным, когда твоя собственная идентичность ставится под вопрос» [21. С. 128].

Вполне понятно, а к настоящему времени уже стало общепринятым представление, что коллективные воспоминания как источник идентичности влекут за собой связанные с ней конфликты, стереотипы, предвзятости. Причем, как подчеркивает, в частности, Джеймс Паннебейкер, не имеет значения степень их вымышленности или реальности [25. С. 5]. Большинство исследователей в принципе очень осторожно отзываются о возможности «реальных воспоминаний», тяготея к представлению о социальной памяти как конструкте, созданном посредством определенных мероприятий политики памяти или ставшим следствием воздействия значимых событий.

Очевидно, что этноцентризм, или «этноцентрический нарциссизм» (в терминологии Яна Ассмана), выступает частным, хотя и наиболее ярким воплощением более общего моноцентристского, или монологического, дискурса, который характеризуется превращением истории и ценностей своей группы в единственный центр внимания, маргинализацией других и акцентированием их негативной инаковости. Рюзен правомерно предостерегает от упрощенного подхода к решению проблемы, предполагающего простое переворачивание оппозиций доминирование / подавление, центр / периферия. «Большинство попыток критиковать западный этноцентризм и заменить его просвещенным образом не западных культур только воспроизводят этноцентризм самой критикой его западной манифестации» [21. С. 128]. Данный тезис, естественно, следует рассматривать как более общее методологическое предостережение. Одной из форм такого переворачивания, распространенной, в частности, среди маргинализованных групп, можно считать отождествление личной и политической идентичности и преобладание дискурса виктимизации или «синдрома жертвы» как доминирующего способа самоидентификации [26].

Общим фоном всплеска интереса к исторической идентичности и теме наследия во второй половине XX в. выступала и продолжает выступать глобализация. В данном случае дискуссии разворачиваются вокруг вопросов, связанных с возможностью глоба-

листского проекта политики памяти и прежде всего его субъектов [27. С. 97–108]. Так, например, особую актуальность приобретает вопрос о транснациональных корпорациях как субъектах политики памяти, границах и пределах деконструкции национальных историй, появлении новых социальных групп и общностей и перспективы их политики памяти. Исследователи правомерно полагают, что социальная память сегодня зачастую отражает темпоральное своеобразие глобализации. Прошлое, которое мы помним, в современных условиях становится не столько «нашим», сколько глобальным. Это ставит вопрос о том, что перенос традиционных способов конструирования идентичности может породить уже глобальные конфликты памяти как атрибут глобальной культуры [28. С. 103–118].

Как правило, современные авторы в качестве предпочтительной стратегии предлагают политику и риторику коммуникации и диалога, основанную не на «торговле обвинениями», антагонизме и разделении ролей (жертва / насильник), а на формировании искусства совместного проживания. Этот подход находит свое выражение в применении метафор типа «общего гнезда», «совместного вклада» [29. С. 8]. К. Герген охарактеризовал его использованием метафоры «Мы вместе ведем машину», а не «Я веду, Ты критикуешь» [26]. В тактическом плане он предполагает публичную дискуссию, основанную на разделении профессионального исторического анализа и коллективной памяти [30. С. 35] и призванную поставить ее участников перед лицом преданных забвению травмирующих исторических свидетельств. Справедливо отмечается, что диалог подобного рода не может опираться на нарративную схему, заимствованную из построения национальных историй. Это было бы сродни попытке налить новое вино в старые сосуды. Предполагается, что результатом также должно стать не создание унифицированного нарратива, где сглажены или преданы забвению факты прошлого, говорящие о конфликтах и взаимном насилии, и иначе расставлены акценты в описании такого прошлого. Более значимым видится производство нарратива, предполагающего «совместимые друг с другом картины» истории. Речь должна идти «о диалогической соотнесенности, взаимном признании и совместимости национальных картин истории» [18]. Резонно полагать, что создание таких совместимых картин возможно только в свете предложения продуктивной картины совместного будущего и пересмотра вопроса о роли истории и памяти в формировании идентичности.

Тема преодоления конфликтов и разногласий, порожденных традиционными способами конструирования национальной идентичности, тесно переплетается с актуализацией с 1990-х гг. исследований, направленных на проработку вопроса о путях и перспективах создания общеевропейской идентичности [29]. Они же естественно ставят вопрос о формировании общего европейского поля памяти и соответствующих институтов политики памяти. Проект общеевропейской идентичности, помимо прочего, интересен представлением одного из вариантов создания постнациональной идентичности. Естественно, что он

вступает в конфликт с традиционной альтернативой сохранения национальных идентичностей, акцентирующей тему защиты социальных прав и культурных ценностей и зачастую опирающейся на консолидацию европейских этнических и культурных меньшинств [29. С. 12]. В более радикальной форме это конфликт по поводу того, трактовать себя как члена национальной общности или гражданского устройства, идентифицировать себя с общими принципами справедливости или с национальными интересами [31. С. 42]. Хотя авторы и подчеркивают, что создание европейской идентичности не должно трактоваться как внешняя оболочка, окутывающая традиционные формы идентичности, или как их умаление за счет новой формы. Такая идентичность может «реализовываться в сложных и разнообразных моделях для различных людей и групп и актуализироваться в определенных ситуациях, подталкивающих к различным видам действий» [29. С. 10].

Исследователи отмечают рост политизации этой темы с начала 2000-х гг. и выделяют следующие версии ее разработки, воплощающиеся в так называемых космополитическом и популистском проектах. Первый отталкивается от идей Юргена Хабермаса о «конституционном патриотизме», основанном на идентификации с набором универсальных гражданских прав, и потому «рассматривает ЕС как новую форму государства». Второй тяготеет к трактовке Европейского союза как новой нации с присущими ей формами идентификации, предполагающими различие своих и чужих и опирающимися на акцентирование угроз единству новой нации, исходящих, в частности, от миграции [Там же. С. 11].

Среди дискуссий, связанных с поиском условий и путей формирования новой идентичности, важное место занимает вопрос, где искать источники ее формирования. Отмечается, что одним из путей может стать поиск общеевропейских корней в прошлом. Он вполне соответствует традиционным формам построения идентичности и предполагает политику памяти, тяготеющую к столь же традиционному восприятию прошлого как непрерывной и телеологически ориентированной линии. Второй путь ориентирован на конструирование общности посредством создания нарратива, который ищет начало такой идентичности в современности [31. С. 36]. Он также не сможет избежать обращения к прошлому, но резонно предполагает, что выполнять оно должно иные функции.

В последние десятилетия, когда содержательные моменты управления прошлым и плоды мероприятий политики памяти кажутся достаточно изученными, внимание исследователей стали занимать инструменты, с помощью которых осуществляется воздействие на коллективные воспоминания и образы истории. Современная социокультурная трансформация, распространение информационных технологий, снижение авторитета традиционных трансляторов опыта прошлого ведут к изменению методов политик памяти. По мнению западных исследователей, правительство как ведущий игрок на этом поле «имеет как минимум три основных инструмента, которые оно мо-

жет использовать для популяризации выгодных им нарративов. К ним относятся: (1) образование; (2) специализированные учреждения, такие как музеи, институты, центры и т.д., и (3) СМИ, особенно телевидение и Интернет» [32].

Поскольку «ковка коллективной памяти страны является неотъемлемой частью национально-государственного строительства» [33. С. 65–100], одним из определяющих средств для этого выступает образование. «Школы являются основными социальными институтами, которые передают национальные повествования о прошлом. Все государства-нации, будь то западные демократии или недемократические общества, уделяют большое внимание преподаванию своей национальной истории с целью укрепления связи между отдельным гражданином и родиной. Это особенно очевидно в периоды политических трансформаций» [34. С. 783–806]. Вполне общепринятой считается точка зрения, что исследовать историю с ее сложностями и противоречиями – задача ученого, а школьный учитель должен выступать скорее транслятором полученных и общепринятых результатов [35. С. 119–135].

Разумеется, невозможно не согласиться с утверждением о весомой роли учебников истории в строительстве и воспроизводстве национальных нарративов, однако не стоит ограничивать политику памяти образовательными стратегиями. Прежде всего, «воспоминания и интерпретации истории не так легко было контролировать в век печати и самиздата, но, по видимому, это еще труднее будет сделать сейчас в цифровом мире с повсеместным доступом к Всемирной паутине» [12. С. 22]. Иначе говоря, доступ к альтернативным версиям прошлого сегодня весьма облегчен благодаря открытости и разнообразию современных медиа. Это, конечно, не ведет автоматически к заполнению лакун в наличных картинах прошлого, росту критического восприятия и созданию цельного образа прошлых событий. Другой вопрос в том, что зачастую современные медиа обладают более мощным ресурсом для конструирования воспоминаний, так что даже непосредственные участники событий используют имеющуюся кинопродукцию, в частности, для восполнения «белых пятен» своей памяти. Поэтому «когда мы смотрим сериалы или кино и веб – встречаем интерпретацию прошлого, которая заставляет наполнять реальность определенным образом» [36. С. 5].

Однако стоит иметь в виду те трансформации, что имеют место в системе самого образования. Так, Т. Гайдн в своем исследовании изменений в школьном курсе истории Англии и их влияний на национальную идентичность отмечает, что до 1970-х гг. история Англии представлялась в целом «позитивной, некритической и беспроблемной», основное внимание уделялось становлению парламентской демократии, промышленной революции, которая, с точки зрения авторов учебников, позволила Великобритании стать великой державой, созданию империи и победе в крупных военных конфликтах XX в. [37. С. 276–289]. Но в 1991 г. был принят новый канон преподавания истории, который предусматривал соблюдение балан-

са между британской, европейской и мировой историей, а также более пристальное внимание не только к политическим, но и экономическим, социальным и культурным аспектам. В соответствии с потребностями современного образования был сделан упор на развитие критического мышления, в том числе средствами истории.

Отход от традиционного нарративного подхода к преподаванию национальной истории вызвал шквал критики со стороны ученых и политиков, настаивающих на необходимости прививать гордость за свою страну и воспитывать гражданское самосознание. Но, тем не менее, данные изменения ставят некоторые вопросы, которые позволяют лучше прояснить характер и направленность политики памяти. Во-первых, «какой гражданин является желаемым для страны» [37. С. 279], так как дефиниций «добротного гражданина» довольно много. Во-вторых, что собой представляют национальные ценности, которые, с точки зрения критиков новой концепции, должно прививать преподавание истории? Приведенные в статье результаты эмпирического исследования показывают, что большинство учеников находят современную систему преподавания «довольно приятной» (69,9% в 2005 г. против 41% в 1967 г.) и «полезной» (69,3% в 2005 г. против 29% в 1967 г.). Сторонники новой системы преподавания в своих возражениях говорят об изменившемся мире, в котором наибольшее значение приобретают не национальные, а глобальные проблемы, поэтому полагают, что невозможно замыкать подготовку выпускника только на преподавании национальной истории, иначе «ностальгия и розовые очки не смогут помочь школьникам понять тот мир, в котором они будут расти» [Там же. С. 276–289].

Итак, мы выделили несколько тем в существующих дискурсах политик памяти. Это, прежде всего, тема переосмысления или преодоления прошлого, связанного с периодом Второй мировой войны и, как правило, актуализируемого в контексте травмы. Это вопрос об осознании и преодолении «этноцентрического нарциссизма», игнорирующего альтернативные или иные версии истории, представленные различными меньшинствами внутри и соседями извне. Тема согласования или преодоления различий перерастает в вопрос об условиях и способах формирования идентичности в глобализирующемся мире. Конечно, это не единственные проблемы и задачи политик памяти, но, возможно, обладающие повышенной актуальностью для российского общества, что делает их приоритетным источником возможного опыта.

Как мы видим, общим понятием политики памяти могут объединяться весьма различные стратегии, в основе которых лежат различные ответы на вопрос «Зачем это следует помнить?». Поэтому даже за внешне однородным полем коммеморативных практик могут скрываться различные и даже противоположные смыслы, которые в них вкладывают их творцы и участники. Вместе с тем для всех представленных дискурсов изучения политики памяти можно выделить ряд общих черт. Так, большинство современных исследований политики памяти представлены case-studies конкретных политик в рамках

отдельных национальных и государственных рамок. Исследователи сегодня, как правило, не претендуют на обобщающие схемы и концентрируют внимание на отдельных практиках. Далее, для большинства работ можно говорить об общей методологической парадигме опирающейся на конструктивистский подход. В этой связи особую популярность приобретает так называемая процессно-реляционная методология, одним из наиболее известных вариантов которой стала методология анализа памяти Олика. Он, как отмечалось выше,

предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся статичный конструкт, а как совокупность различных социальных форм, странств, практик и их иерархий, причем находящихся в процессе непрекращающегося создания и пересоздания. Наконец, практически все авторы отмечают растущую диверсификацию политик памяти даже в масштабах одного общества, идущую как «сверху», так и «снизу» вплоть до активного сопротивления массового исторического сознания и его практик памяти официальным стратегиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Neisser U. *Memory Observed: Remembering in Natural Contexts*. San Francisco : Freeman, 1982.
2. Bohannon J.N., Symons L.V. Flashbulb memories: Confidence, consistency, and quantity // *Affect and accuracy in recall: Studies of "flashbulb" memories* / eds. by E. Winograd & U. Neisser. Cambridge University Press, 1992. P. 65–91.
3. Schwartz B. The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // *Social Forces*. December 1982. Vol. 61, № 2. P. 374–402.
4. Schmidt S.J. Memory and Remembrance: A Constructivist Approach // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 191–201.
5. Olick J.K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 151–161.
6. Fortunati V., Lamberti E. Cultural Memory: A European Perspective // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 127–137.
7. Zierold M. Memory and Media Cultures // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 399–407.
8. Hass M. The Politics of Memory in Germany, Israel and the United States of America // *The Canadian Centre for German and European Studies* URL: http://www.cceae.umontreal.ca/IMG/pdf/NDR_hass.pdf (дата обращения: 25.02.2016).
9. Дюков А. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей политики памяти. URL: <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odno-obschestvo-v-mire-ne-mozhet-oboitis-bez-svoej-politiki-pamyati> (дата обращения: 31.10.2015).
10. Meyer E. Memory and Politics // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 173–180.
11. Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // *Известия Саратовского университета*. 2012. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Т. 12, вып. 2. С. 34–38.
12. *The Politics of Memory in Postwar Europe* / eds. R.N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu. Duke University Press, 2006.
13. Dirk Moses A. *German Intellectuals and the Nazi Past*. Cambridge University Press, 2007.
14. Winter J. Sites of Memory and the Shadow of War // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 61–74.
15. Rösen J. Trauma and Mourning in Historical Thinking // *Journal of Interdisciplinary Studies in History and Archaeology*. Summer 2004. Vol. 1, № 1. P. 10–21.
16. Young J.E. The Texture of Memory: Holocaust Memorials in History // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 357–365.
17. Burke L., Faulkner S. Introduction: Memory is Ordinary // *The Politics of Cultural Memory* / Ed. by L. Burke, S. Faulkner & J. Aulich. Cambridge Scholars Publishing. 2010. P. 1–25.
18. Ассман И. Четыре модели обращения с историческим прошлым. URL: <http://gefter.ru/archive/17386> (дата обращения: 26.02.2016).
19. Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford : Basil Blackwell, 1986.
20. Bell D. S.A. *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship Between Past and Present*. New York : Palgrave, 2006.
21. Rösen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // *History and Theory*. December 2004. Vol. 43, № 4. P. 118–129.
22. Rösen J. How to make sense of the past – salient issues of Metahistory // *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*. July 2007. Vol. 3, № 1. P. 169–221.
23. Carretero M., Kriger M. Historical representations and conflicts about indigenous people as national identities // *Culture & Psychology*. 2011. Vol. 17, № 2. P. 177–195.
24. Rösen J. Criteria of Historical Judgment // *Historical Truth, Historical Criticism and Ideology. Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective* / ed. by H. Schmidt-Glintzer, A. Mittag and J. Rösen. Brill Leiden – Boston, 2005. P. 133–141.
25. Pennebaker J., Banasik B.L. On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Social Psychology // *Collective memory of political events: Social psychological perspectives* / eds. J.W. Pennebaker, D. Paez, and B. Rime. Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 3–19.
26. Gergen K.J. Social Construction and the Transformation of Identity Politics. URL: https://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Social%20Construction_and_the_Transformation.pdf (дата обращения: 24.02.2016).
27. Бойцов М.А. Выживет ли Клио при глобализации? // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 91–108.
28. Halas E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age // *Time & Society*. 2008. Vol. 17, № 1. P. 103–118.
29. Checkel J.T., Katzenstein P.J. The politicization of European identities // *European Identity* / ed. by J.T. Checkel, P.J. Katzenstein. Cambridge University Press, 2009. P. 1–25.
30. Wertch J.V., Billingsley D.M. The role of narratives in commemoration; remembering as mediated action // *Heritage, Memory & Identity* / ed. by H. Anheier, Y. Raj Isar. SAGE Publications Ltd., 2011. P. 25–38.
31. Castiglione D. Political identity in a community of strangers // *European Identity* / ed. by J.T. Checkel, P.J. Katzenstein. Cambridge University Press, 2009. P. 29–51.
32. Wawrzyński P. The Past, Polish Politics of Memory, and Stereotyping: an intercultural perspective // *E-Revista de Estudos Interculturais do CELI*. 2013. URL: <http://iscap.ipp.pt/cei/E-REI%20Site/Pages/1.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
33. Podeh E. History and Memory in the Israeli Educational System: The Portrayal of the Arab-Israeli Conflict in History Textbooks (1948–2000) // *History and Memory*. 2000. Vol. 12, № 1. P. 65–100.
34. Wang Z. National Humiliation, History Education, and the Politics of Historical Memory: Patriotic Education Campaign in China // *International Studies Quarterly*. 2008. Vol. 52, № 4. P. 783–806.

35. Aldrich R. Class and gender in the study and teaching of history in England in the twentieth century // *Historical Studies in Education*. 1989. № 1. P. 119–135.
36. Sturken M. The Politics of Video Memory: Electronic erasures and inscriptions // *Resolutions: Contemporary Video Practices* / ed. by M. Renov, E. Suderburg. University of Minnesota Press, 1996. P. 1–13.
37. Haydn T. History in Schools and the Problem of 'The Nation' // *Education Sciences*. 2012. № 2. P. 276–289.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2016 г.

THE POLITICS OF MEMORY IN THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL REFLECTION: THE EXPERIENCE OF FOREIGN STUDIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 135–143.

DOI: 10.17223/15617793/407/21

Syrov Vasily N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat@inbox.ru

Linchenko Andrey A. Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: lipetsk@fa.ru

Golovashina Oksana V. Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation). E-mail: genesta@yandex.ru

Keywords: politics of memory; egocentrism; instrumentalization of the past; commemorative practices.

There is an obvious transformation of research interests in the modern Western and Russian science from the analysis of the historical cognition and knowledge to the study of the mass historical consciousness and memory. The contradictions of global processes and in particular an intensive formation of multiethnic environments raise a question about the role of direct action of the politics of memory for the functioning of representations of the past. This actualizes the necessity of elaboration of theoretical and methodological tools. The article presents an analysis of the contemporary foreign literature about the politics of memory. The authors have distinguished the directions of its development which seem to be of great importance for the Russian society. They include the topic of rethinking and overcoming the past, associated with the period of the Second World War and, as a rule, actualized in the context of a traumatic experience. The article noted the heterogeneity of the politics of memory due to the nature of the identification strategies: either with the guilt / a victim or to remember and not to repeat again. The understanding and overcoming of ethnocentrism, ignoring any alternative or different versions of history made by various minority groups within the society and neighbors outside, may rightly be attributed to the topical problems of the politics of memory. The authors have noted that the theme of the reconciliation and overcoming of the differences in the interpretation of the past is also linked to the question of the conditions and methods of formation of the identity in a globalized world. The role of the politics of memory in the process has been analyzed on the material of different discussions about the prospects of a common European identity. The article highlights some common features inherent in modern discourses on the study of the politics of memory. Most modern studies of memory politics are case studies of specific policies in the framework of separate national and state frameworks. Usually, modern researchers do not claim to generalize the scheme and focus on individual practices. Further, for most applications it is possible to speak about a common methodological paradigm based on a constructivist approach. In this regard, of special popularity is the process-relational methodology; one of its most well-known variants is J. Olick's methodology for memory analysis. He proposes to consider collective memory as an aggregate of different social forms, spaces, practices and hierarchies that are in the process of continuous creation and re-creation. Finally, almost all the authors note the increasing diversification of policies even within one society coming both "top" down and "bottom" up to the active resistance of the mass historical consciousness and its practices of memory to official strategies.

REFERENCES

1. Neisser, U. (1982) *Memory Observed: Remembering in Natural Contexts*. San Francisco: Freeman.
2. Bohannon, J.N. & Symons, L.V. (1992) Flashbulb memories: Confidence, consistency, and quantity. In: Winograd, E. & Neisser, U. (eds) *Affect and accuracy in recall: Studies of "flashbulb" memories*. Cambridge University Press.
3. Schwartz, B. (1982) The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory. *Social Forces*. December. 61:2. pp. 374–402.
4. Schmidt, S.J. (2008) Memory and Remembrance: A Constructivist Approach. In: Erll, A. & Nunning, A. (eds) *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Walter de Gruyter GmbH & Co.
5. Olick, J.K. (2008) From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products. In: Erll, A. & Nunning, A. (eds) *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Walter de Gruyter GmbH & Co.
6. Fortunati, V. & Lamberti, E. (2008) Cultural Memory: A European Perspective. In: Erll, A. & Nunning, A. (eds) *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Walter de Gruyter GmbH & Co.
7. Zierold, M. (2008) Memory and Media Cultures. In: Erll, A. & Nunning, A. (eds) *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Walter de Gruyter GmbH & Co.
8. Hass, M. (2004) *The Politics of Memory in Germany, Israel and the United States of America*. The Canadian Centre for German and European Studies [Online]. Available from: http://www.cceae.umontreal.ca/IMG/pdf/NDR_hass.pdf. (Accessed: 25 February 2016).
9. Dyukov, A. (2009) *Ni odno obshchestvo v mire ne mozhet obyit's' bez svoej politiki pamyati* [No society in the world can do without its memory politics]. [Online]. Available from: <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odno-obschestvo-vmirene-mozhet-obyitis-bez-svoej-politiki-pamyati>. (Accessed: 31 October 2015).
10. Meyer, E. (2008) Memory and Politics. In: Erll, A. & Nunning, A. (eds) *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Walter de Gruyter GmbH & Co.
11. Anikin, D.A. (2012) Strategy of a Policy of Memory on Postimperial Space. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 12:2. pp. 34–38. (In Russian).
12. Lebow, R.N., Kansteiner, W. & Fogu, C. (eds) (2006) *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Duke University Press.
13. Dirk, M.A. (2007) *German Intellectuals and the Nazi Past*. Cambridge University Press.
14. Winter, J. (2008) Sites of Memory and the Shadow of War. In: Erll, A. & Nunning, A. (eds) *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Walter de Gruyter GmbH & Co.
15. Rösen, J. (2004) Trauma and Mourning in Historical Thinking. *Journal of Interdisciplinary Studies in History and Archaeology*. Summer. 1:1. pp. 10–21.

16. Young, J.E. (2008) The Texture of Memory: Holocaust Memorials in History. In: Erll, A. & Nunning, A. (eds) *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Walter de Gruyter GmbH & Co.
17. Burke, L. & Faulkner, S. (2010) Introduction: Memory is Ordinary. In: Burke, L., Faulkner, S. & Aulich, J. (eds) *The Politics of Cultural Memory*. Cambridge Scholars Publishing.
18. Assmann, A. (2016) *Chetyre modeli obrashcheniya s istoricheskim proshlym* [Four model of treating the historical past]. Translated from English. [Online]. Available from: <http://gefter.ru/archive/17386>. (Accessed: 26 February 2016).
19. Smith, A.D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell.
20. Bell, D.S.A. (2006) *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship Between Past and Present*. New York: Palgrave.
21. Rüsen, J. (2004) How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century. *History and Theory*. December. 43:4. pp. 118–129.
22. Rüsen, J. (2007) How to make sense of the past – salient issues of Metahistory. *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*. July. 3:1. pp. 169–221.
23. Carretero, M. & Kriger, M. (2011) Historical representations and conflicts about indigenous people as national identities. *Culture & Psychology*. 17:2. pp. 177–195.
24. Rüsen, J. (2005) Criteria of Historical Judgment. In: Schmidt-Glintzer, H., Mittag, A. & Rüsen, J. (eds) *Historical Truth, Historical Criticism and Ideology. Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective*. Boston: Brill Leiden.
25. Pennebaker, J. & Banasik, B.L. (1997) On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Social Psychology. In: Pennebaker, J.W., Paez, D. & Rime, B. (eds) *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Lawrence Erlbaum Associates.
26. Gergen, K.J. (1999) Social Construction and the Transformation of Identity Politics. [Online]. Available from: https://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Social%20Construction_and_the_Transformation.pdf. (Accessed: 24 February 2016).
27. Boytsov, M.A. (2006) Vyzhivet li Klio pri globalizatsii? [Will Clio survive globalization?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 91–108.
28. Hałas, E. (2008) Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age. *Time & Society*. 17:1. pp. 103–118. DOI: 10.1177/0961463X07086305
29. Checkel, J.T. & Katzenstein, P.J. (2009) The politicization of European identities. In: Checkel, J.T. & Katzenstein, P.J. (eds) *European Identity*. Cambridge University Press.
30. Wertch, J.V. & Billingsley, D.M. (2011) The role of narratives in commemoration; remembering as mediated action. In: Anheier, H. & Raj Isar, Y. (eds) *Heritage, Memory & Identity*. SAGE Publications Ltd.
31. Castiglione, D. (2009) Political identity in a community of strangers. In: Checkel, J.T. & Katzenstein, P.J. (eds) *European Identity*. Cambridge University Press.
32. Wawrzyński, P. (2013) The Past, Polish Politics of Memory, and Stereotyping: an intercultural perspective. *E-Revista de Estudos Interculturals do CELI*. [Online]. Available from: <http://iscap.ipp.pt/cei/E-REI%20Site/Pages/1.htm>. (Accessed: 24 February 2016).
33. Podeh, E. (2000) History and Memory in the Israeli Educational System: The Portrayal of the Arab-Israeli Conflict in History Textbooks (1948–2000). *History and Memory*. 12:1. pp. 65–100.
34. Wang, Z. (2008) National Humiliation, History Education, and the Politics of Historical Memory: Patriotic Education Campaign in China. *International Studies Quarterly*. 52:4. pp. 783–806.
35. Aldrich, R. (1989) Class and gender in the study and teaching of history in England in the twentieth century. *Historical Studies in Education*. 1. pp. 119–135.
36. Sturken, M. (1996) The Politics of Video Memory: Electronic erasures and inscriptions. In: Renov, M. & Suderburg, E. (eds) *Resolutions: Contemporary Video Practices*. University of Minnesota Press.
37. Haydn, T. (2012) History in Schools and the Problem of 'The Nation'. *Education Sciences*. 2. pp. 276–289.

Received: 18 April 2016